

ОТЗВУК ПРОШЛОГО

СВЕТЛАНА
МЕРЦАЛОВА

Светлана Мерцалова

Отзвук прошлого

«Accent Graphics communications»

2017

Мерцалова С.

Отзвук прошлого / С. Мерцалова — «Accent Graphics communications», 2017

Мрачные легенды ходят вокруг зловещего особняка, известного как «Вилла Магнолия», некогда принадлежавшем актрисе Матильде Беккер. Вот уже много лет он стоит пустой и считается проклятым... Этот особняк наследует Анна, но она не верит в страшное прошлое, о котором предупреждают знакомые. Она переезжает в пустующий дом, где начинают происходить загадочные события. Анна стремится раскрыть тайну и обнаруживает на чердаке дневник и вещи, принадлежавшие Матильде Беккер. По ходу чтения, вырисовывалась картины прошлого: жизнь Матильды, ее роковая страсть, ставшая причиной трагедии, увлечение спиритизмом... Странные события в доме продолжают, и Анна понимает, что таинственные предсказания сбываются...

© Мерцалова С., 2017

© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Часть вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Светлана Мерцалова

Отзвук прошлого

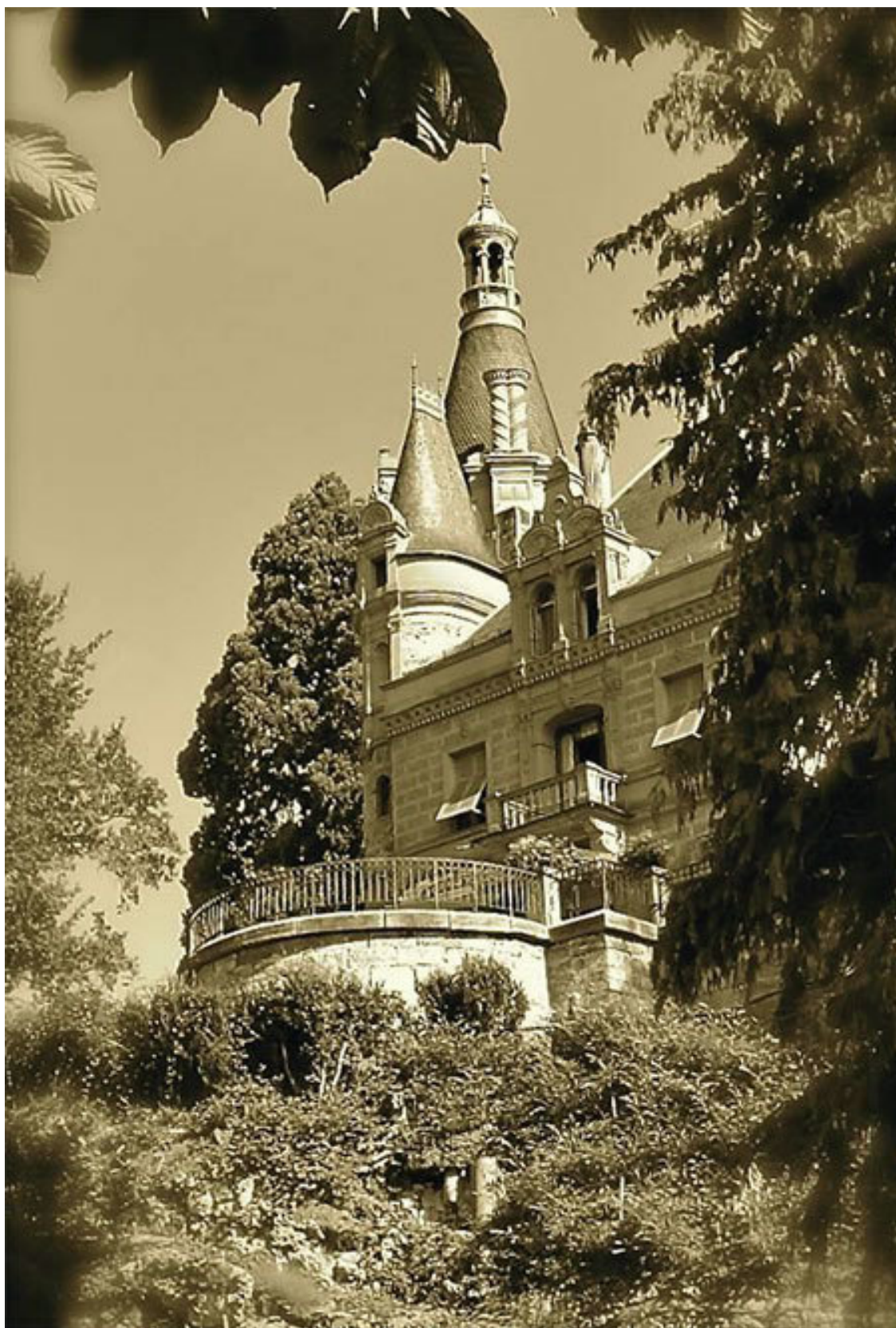
Пролог

Вилла «Магнолия» словно парила над городом, поражая своей роскошью...

Элегантный розовый особняк с белыми колоннами был окружен цветущим садом. От кованых ажурных ворот к парадному входу вела круговая подъездная аллея, обсаженная кипарисами. С веранды открывался прекрасный вид – лазурная гладь моря и парящие в небе чайки...

По одной из легенд, особняк был построен банкиром и меценатом бароном Штицбергом для актрисы Матильды Беккер. Долгие годы барон был влюблен в нее до безумия. Матильда же оставалась холодна к барону, но дорогие подарки принимала. Барон Штицберг в конце концов разорился и пустил себе пулю в рот. Матильда продолжала безмятежно жить, не чувствуя угрызений совести. К слову сказать, она их никогда не чувствовала...

Из-за Матильды Беккер мужчины теряли голову, разорялись, стрелялись. Все, кто осмелился любить ее, изначально были обречены, но сильнее всех была обречена сама Матильда...

«Вилла „Магнолия“

Часть первая

Мутный рассвет осветил поблекший и обшарпанный фасад здания. Время безжалостно наложило свой отпечаток: розовые краски потускнели, стекла витражей помутнели, кипарисовая аллея засохла – и это все, что осталось от виллы «Магнолия». Подъездная аллея заросла крапивой. Магнолии и розы погибли. Их вытеснили корявые кусты можжевельника и цепкие колючки ежевики. Плети плюща сплошь опутали деревья, карабкались по стенам и даже пытались пробраться внутрь, заглушив все вокруг. Годы уничтожили величие этого дома, кругом царил лишь дух запустения. . .

Белый спортивный автомобиль на всей скорости свернул с трассы, направляясь к усадьбе.

– Странно, что я ничего не знала об этом особняке. Почему от нас все скрывали? – спросила Анна.

– От меня мама ничего не скрывала, а ты отдалилась, – ответила Вера. – И так расстроила маму, когда ушла из дома. . .

– Давай по существу! Все, что ты сейчас скажешь, я знаю, – поморщилась Анна. – Я тебя спросила про особняк, разве нет?

– Я не знаю всей истории, но что-то нехорошее преследует дом с самого начала, – ответила Вера и снизила скорость.

Наклонившись вперед, Анна пристально вглядывалась сквозь лобовое стекло:

– Это все предрассудки! Мать, сколько я помню, всегда была чем-то напугана.

Впереди открылась заросшая высокой травой и крапивой лужайка. Чугунные ворота были настежь открыты.

– Вот и вилла «Магнолия», – кивнула Вера.

Наконец-то Анна увидела дом, скрытый простиравшимся во все стороны от ажурных ворот, садом. В бледном утреннем свете все вокруг казалось таинственным.

– Не может быть! Какая красота! Всю жизнь мечтала о таком доме!

Вера затормозила впереди стоящего черного «мерседеса».

– Наш адвокат уже здесь. Вот и он, – высунувшись в окно, Вера помахала рукой.

Непонятно откуда возникла высокая мужская фигура в темном костюме. Он открыл дверь и помог Вере выйти из машины. Она коротко представила присутствующих друг другу:

– Добрый день! Позвольте представить вам мою сестру Анну, а это – Лев Борисович.

– Очень приятно, – поклонился Лев Борисович.

У него был низкий, приятный голос, который действовал словно успокоительное. Седые, коротко стриженные волосы, светлые глаза, скрытые за очками в роговой оправе. В руке он держал кожаную папку.

– Приглашаю вас осмотреть дом изнутри, – предложил он.

– Что-то не хочется заходить в дом, – замедляя шаг, сказала Вера.

– Ты права – там все кишит нечистью, – страшным голосом прошептала Анна и засмеялась. – Вперед, трусиха!

Вера вскрикнула, но проследовала внутрь. Первое с чем они столкнулись, открыв дверь, был запах: воняло так, будто что-то протухло. Анна поморщилась и прокомментировала:

– Ощущение, что некто испустил дух и уже начал разлагаться.

– Нужно проветрить, это устранит причину запаха. Не волнуйтесь! Такие дома в короткий срок приходят в запустение, если нет должного ухода. Если вы не против, продолжим осмотр?

– Мы не против, – ответила Анна.

Лев Борисович пошарил по стене в поисках выключателя, и все услышали, что он щелкает им без всякого успеха.

– Заходите, – пригласил он, широко открыв дверь. – Опять что-то с проводкой. Придется воспользоваться свечами.

Адвокат подошел к консольному столику, где уже были приготовлены свечи со спичками. Он зажег первую свечу, но она затрещала и потухла.

– Плохая примета, – озираясь, прошептала Вера. – Что-то нехорошее в доме...

Лев Борисович успокоил:

– Ничего необычного – тут сплошь сквозняки.

Вторая свеча тоже сразу потухла. Вера вздрогнула и вскрикнула:

– Это порча!

– Не причитай! – цыкнула на нее Анна.

Она сдвинула свечи ближе к стене и, не торопясь, зажгла одну за другой. Свечи ярко вспыхнули, и причудливые тени заплясали на потолке и зеркалах.

– Все выглядит лучше, чем я ожидала, – оглядываясь, произнесла Вера.

Коридор был обшит деревянными панелями, искусный витражный потолок выполнен в египетском стиле. Диван с парчовой обивкой, консольный столик, канделябры – все было отмечено печатью старины. Широкая винтовая лестница темного дерева, изгибом исчезающая в темноте. Правда, полировка на деревянных поверхностях была поцарапана, паркет кое-где почернел, в других местах вздулся...

Было заметно, что время от времени кто-то заходил сюда, протирал пыль и отапливал помещение, иначе бы вся обстановка покрылась плесенью.

– Могу я приступить к делу? – спросил Лев Борисович.

Сестры молча кивнули. Адвокат расстегнул молнию на кожаной папке и достал бумаги.

– Я прочту вам завещание без всяких вступлений и предисловий.

Он взял со стола первый лист, откашлялся и начал читать. Анна, как ни пыталась вникнуть в суть, так и не могла сосредоточиться. Ее преследовало чувство, будто это место знакомо, но такого не может быть! Она впервые узнала об особняке пару недель назад. Она еще раз оглянулась: несмотря на весь хаос, дом ее притягивал.

– Тут содержится полный перечень оставленного вам наследства. Изучите эти бумаги вместе на досуге. Большая часть продана, чтобы оплатить долги...

Мужчина достал ручку из нагрудного кармана:

– Подпишите здесь и здесь. Теперь вы... – обратился он к каждой из сестер.

Анна быстро пробежалась глазами по строкам договора и, не заметив ничего подозрительного, поставила подпись.

– Мои поздравления, с этого момента усадьба – ваша собственность!

– Спасибо! – улыбнулась Анна.

Вера выхватила из рук адвоката бумаги и засунула себе в сумку. Анне захотелось дать ей затрещину, как в детстве. С малых лет Вера считала, что обязана получать все первой на правах старшей, по этой причине между ними постоянно происходили ссоры, а порой и драки.

– Есть хорошее предложение, если вам интересно. Рынок недвижимости в наше время нельзя назвать стабильным, поэтому я бы не тянул, – сказал Лев Борисович, обращаясь к Вере. – У меня есть клиент...

Вспыхнув от обиды, Анна развернулась к сестре:

– Не спросив меня, ты собралась продавать особняк? У меня что, нет права голоса?

– Спрашиваю сейчас, – смущенно ответила Вера. – Что ты обо всем этом думаешь?

– Мы не можем его продать! Этот дом – наше прошлое!

– Которого ты даже не знаешь, – добавила Вера.

– Теперь буду знать, – уверенно ответила Анна.

– Не советовала бы...

Анну все больше раздражало покровительство старшей сестры. Она взорвалась:

– Надоела ты мне со своими советами! Советы хороши, когда в них нуждаются!

Лев Борисович положил руку на плечо Анне и примирительно предложил:

– Не будем торопиться. Когда надумаете, позвоните.

И положил на консольный столик визитную карточку.

– Мы свяжемся в вами в течении недели и обсудим все формальности, – сказала Вера.

– Почему ты все и всегда решаешь за меня? Может, я против того, чтобы дом выставить на продажу? – накинулась на нее Анна.

– Ты хочешь жить в этом доме?

– Да, я хочу жить в этом доме! – уверенно ответила Анна. – Я не верю во всю эту чушь!

– Ты ненормальная?! Дом стоит заброшенным уже много лет. Как долго, вы не подскажите? – обратилась Вера к адвокату.

Лев Борисович уткнулся в бумаги, в это время послышался жуткий грохот наверху. Все резко подняли головы и замерли от неожиданности, пытаясь установить природу этих звуков.

– Что это?

– Может, на втором этаже окно открыто. Сквозняк. Старые дома всегда издают какие-нибудь звуки. Дому больше ста лет. Успокойтесь! – неуверенным голосом ответил Лев Борисович.

– После этого ты хочешь остаться здесь? – с ужасом спросила Вера.

– После чего?! Может, это... – не договорив, замолчала Анна.

Послышался странный звук, напоминающий хлопанье крыльев. Вера закрыла глаза от страха. Анна ощутила холодное дуновение, от чего пламя на свечах задрожало.

– Наверное, птица залетела или еще кто, – предположил Лев Борисович.

– В доме открыты окна? – спросила Вера.

Мужчина пожал плечами, а Анна засмеялась и толкнула сестру:

– Иди проверь!

– С меня достаточно! Я уезжаю! – истерично закричала Вера.

– Тебя никто и не держит!

Лев Борисович пригляделся к сестрам: у них в чертах много общего, но характеры и темпераменты очень разные. Видимо, им трудно ужиться друг с другом с самого детства, подумал адвокат.

Он спросил Анну:

– Надеюсь, это шутка и вы не собираетесь здесь жить?

– Почему нет? Мне порядком надоело жить в городской квартире, где нет ни воздуха, ни света. Я должна закончить роман, который даже не начинала, в противном случае издательство разорвет со мной контракт. Тут прекрасное место, чтобы писать. Всю жизнь мечтала о таком доме, но заработать на такой так и не смогла, – ответила Анна.

Лев Борисович внимательно посмотрел на нее и сказал:

– Проводку нужно менять, насчет отопления не знаю, многие комнаты стоят пустые...

– В каких-то комнатах все же есть мебель? Для начала мне достаточно две-три комнаты. Летом отопление не нужно, а со временем я разберусь.

– Не тратьте свое время, уговаривая мою сестру. Она упертая как баран... как овца, – сообщила Вера.

Анна посмотрела на нее уничтожающе и добавила:

– К тому же залив в десяти минутах ходьбы. И на море ехать не нужно будет.

– В заливе вечно холодная вода. Так я и поверила, что ты будешь купаться, – проворчала Вера.

– Может, хватит умничать? Все-то она знает...

Анна была в бешенстве. Ей очень хотелось объяснить, что она думает о сестре, и она это сделала. Льву Борисовичу было неудобно слушать, как сестры ссорятся, и он отвернулся.

Не замечая этого, они продолжали грызться, как делали это с детства, не заботясь о том, что слушающим всегда неловко.

– Завтра же перевезу вещи, – уверенно заявила Анна.

– Если так, то возьмите ключи от дома, – Лев Борисович достал большую связку ключей и положил на стол. – Этот ключ от входа, этот от ограды, а вот эти... не знаю от чего...

– Разберусь.

– До встречи! Я спешу. Могу я быть свободен? – спросил он. – Если передумаете, то звоните.

Пока Анна закрывала входную дверь, Вера прошептала:

– Это место проклято...

– Кем оно проклято?

– Я не хочу говорить об этом, тем более в доме, – быстро проговорила Вера и подняла глаза вверх.

Анна последовала примеру сестры, но ничего необычного не заметила – лишь небесная синева и ослепительное солнце.

– Надоела ты мне со своими предрассудками, словно старая бабка. Завтра я переезжаю!

– Потом не плачься, – предупредила Вера.

– Ты будешь последняя, к кому я приду плакаться, – пообещала Анна.

* * *

Ключ ржаво заскрипел в замке. Анна с силой толкнула дверь, и на нее пахнуло затхлостью, как из погреба. Внутри царил полумрак: тусклый свет едва пробивался сквозь мутные витражи. Выключатель также не работал, и Анна оставила дверь открытой.

Заташив сумки в коридор, Анна достала спички, чтобы зажечь свечи. Вдруг послышался тихий шорох, она вся напряглась и со страхом оглянулась. В доме стояла такая гнетущая тишина, что слышен был даже стук сердца. Анне стало страшно, будто в этой тишине скрывалось нечто злое. Нервы девушки были на пределе, и тут раздался звонок мобильного телефона. Анна дернулась и от неожиданности вскрикнула. Осторожно вытащив из кармана мобильный, она увидела на дисплее номер сестры. Скорчив гримасу досады, Анна ответила:

– Да, я перевезла вещи! И не нужно меня контролировать, я не маленькая!

Выключив мобильный, она стала уверенно подниматься по лестнице на второй этаж. Здесь был полный разгром. Очевидно, убирались только на первом этаже, сюда же никто и не поднимался, к чему ни прикоснешься – всюду пыль.

На стене висел портрет Матильды в тяжелой позолоченной раме: женщина интригующей красоты в длинном жемчужно-голубом платье. Густые каштановые волосы небрежно заколоты на затылке, несколько выбившихся локонов падают на виски. В тонкой красивой руке она держала веер из белых перьев, на ногах были атласные голубые туфельки на высоких вогнутых каблучках. Лицо Матильды бесстрастно, но взгляд словно вкрадывался в душу. Во взгляде угадывались и загадка, и утонченность, и порок...

Странная картина. На заднем плане средневековый замок на холме, пруд с темной мутной водой, окруженный деревьями. Стволы деревьев тесно переплетены, между ними тоненькая тропинка теряется в гуще. Что-то дикое и мрачное было в этом пейзаже...

Анна подошла поближе и провела рукой по поверхности картины. Она была шероховатой, краска лежала густыми мазками. Анна отступила назад и ощутила, будто ее втягивают в бездну с головой. Ей стало не по себе, и она отвернулась от картины.

Слева вдоль обшитой панелями стены виднелось множество дверей. Анна шла, заглядывая в каждую комнату. Не считая разбросанных перевернутых стульев, пустых коробок, сло-

манных игрушек, комнаты были пустые. Всюду лишь запах тлена и глухое эхо, что живет в заброшенных местах.

В одной из комнат стоял рояль, прикрытый темным чехлом. С потолка на пыльных цепях безжизненно свисала люстра, со стен спадали выцветшие обои. Девушка аккуратно сняла чехол. Рояль был великолепен. Анна открыла клап и пробежала по клавишам. Звук был чистым, клавиши не западали. Для рояля, что простоял под слоем пыли столько лет, это было неожиданно. Анна аккуратно закрыла клап и вышла.

Рядом оказалась комната в неплохом состоянии, вся мебель в ней была укутана белыми чехлами. Оглядевшись, Анна принялась срывать и скидывать чехлы на пол. Столб пыли поднялся такой, что она зачихала. Пыль вихрилась в лучах солнца, и, куда ни ступи, всюду оставались следы.

Когда же пыль рассеялась, Анна смогла рассмотреть обстановку комнаты. Резная ореховая кровать в стиле ампир, справа – столик с настольной лампой, слева трельяж. Напротив кровати располагался камин, а перед ним стояло кресло с резными подлокотниками. Вся мебель в комнате подходила Матильде, она была изящная и хрупкая, с тонкими грациозными ножками, позолоченными ручками. Это был будуар женщины, которая себя любит, и каждый предмет обстановки гармонировал друг с другом.

Интересно, что могли бы поведать стены, если б умели говорить?

Всюду фотографии Матильды – на стене, на камине, на тумбочке, на трельяже. Анна взяла одну из фотографий в тяжелой бронзовой рамке и взгляделась в нее. Красивое лицо было чуть в тени, так как на женщине была надета широкополая шляпа, и это лишь подчеркивало глубину светлых глаз. На голые плечи накинута горжетка из чернобурки, капризный изгиб рта чуть тронут улыбкой. Длинные темные локоны обрамляли тонко очерченное лицо, оттеняя его бледность. Матильда была в одно и то же время греховной и невинной, манящей и неприступной...

Что-то в лице показалось знакомым, и Анна поднесла портрет к окну, чтобы лучше осветить. Девушка ничего не знала о Матильде и не видела раньше этих фотографий, но в Анне крепло ощущение, будто они знакомы.

Поставив фото на место, Анна выглянула в окно. Под окном простирался запущенный сад: непроходимые заросли крапивы, беспорядочное переплетение ветвей лип, плотно опутанных паутиной. Солнечные лучи с трудом проникали сквозь них. Узкая дорожка, теряясь в папоротнике, вела к пенной полосе прибоя на пустынном берегу. В дальнем конце сада высилось нечто странное: несколько покрытых серебристым мхом колонн торчали из земли. Похоже, там располагалась беседка, а теперь от бывшего великолепия остались лишь жалкие руины. Всюду лежала печать одичалости, и ветер шелестел высокой травой, напоминая голоса давно умерших, среди которых был и голос Матильды...

Анна прижалась лицом к прохладному стеклу. Раздражало то, что она никак не могла вспомнить, кого ей напоминает Матильда?

Вдруг она опомнилась: ей так много нужно сделать. Успеть отмыть комнату до захода солнца, перенести вещи наверх и разложить их по местам.

Из крана на кухне она с трудом смогла нацедить ведро воды. Открыла окно, чтобы проветрить комнату. Веником сняла паутину с потолка и углов, перестелила постель. Потом взялась за тряпку и прошлась по всем укромным уголкам, где могла затаиться грязь.

Пока Анна надраивала комнату, со всех сторон на нее смотрела неотразимая Матильда.

Матильда, гарцующая на вороном коне. На ней темная амазонка, которая подчеркивает неправдоподобно тонкую талию. Из-под маленькой мужской шляпки со светлым пером выбились непокорные локоны. Посадка, фигура и лицо были величественными и надменными. В руке Матильда грациозно держит хлыстик, а лоб прикрывает легкая вуаль.

Матильда в круглых очках и в перчатках сидит в черном с откидным верхом автомобиле. Хромированные детали сверкают на солнце, а на капоте – металлическая эмблема в виде птицы. Ветер развеивает концы белого шарфа, которым Матильда прикрыла волосы. Это была дорогая игрушка – черный элегантный автомобиль с низкой посадкой, поблескивающий лаковыми боками.

Матильда всегда любила окружать себя роскошью и дорогостоящими причудами, будь то жеребец, автомобиль или особняк...

* * *

Закончив с уборкой, Анна прилегла на кровать. От усталости ее сморил сон...

Вдруг откуда-то сбоку донесся странный шум. Анна прислушалась: по дому кто-то ходил. Кто бы это мог быть? Человек или чей-то дух? От страха у нее перехватило дыхание. Девушка неслышно слезла с кровати и приблизилась к двери. Кто-то прошел мимо спальни. Шагов не было слышно, лишь скрип старых половиц. Анне захотелось посмотреть на того, кто бродит в темноте. Тихо открыв дверь, она выглянула в коридор. Теперь шаги доносились снизу. Девушка двинулась на этот шум. Спустившись с лестницы, она увидела, что дверь на кухню приоткрыта. Анна осторожно подкралась и резко включила свет. Никого. Подошла к окну и отдернула шторы, и там – никого. Что за чертовщина? Она явно слышала шум на кухне. Пол на кухне был ледяной, и, стоя босыми ногами, Анна почувствовала, как у нее замерзли ноги. Она поднялась наверх.

Поднимаясь по лестнице, она заметила, что Матильда на картине стоит не так, как раньше. Что-то в позе было не то, она стоит напряженно, словно готовится к чему-то. Кроны деревьев сомкнулись над ее головой, закрыв полностью небо. Корни еще сильнее переплелись, словно змеи, а вода в пруду превратилась в бурю жижу. Как это могло случиться?

Анна придвинулась поближе и пригляделась. Взгляд Матильды остекленел и стал безжизненным, тонкие ноздри раздулись. Глаза, фосфоресцируя в лунном свете, казались злобными. У Анны возникло ощущение, что нарисованная Матильда не такая уж нарисованная.

Вдруг Матильда на картине улыбнулась такой гадкой улыбкой, что лицо ее исказилось, а остекленевшие глаза впелись в лицо Анны. От этого жуткого взгляда мурашки поползли по спине и захотелось убежать. Матильда оскалилась и схватила Анну за волосы. Анна попыталась вырваться, но Матильда вцепилась в нее крепко. Анне хотелось закричать, но крик застрял в горле, а тело стало ватным. Оскал Матильды стал еще шире, а в глазах появлялось все больше ненависти. Матильда затаскивала Анну к себе в картину, еще немного, и...

Тут Анна с криком проснулась, вскочила на кровати и пошарила вокруг. Она одна у себя в постели. Это был всего лишь сон. Включив мобильный, она посветила вокруг, но ничего необычного не увидела. Темно и тихо...

Анна накрылась одеялом с головой, но сердце продолжало бешено колотиться. Какое счастье, что это только сон. Но к чему такой жуткий сон?

За окном уже начало светать, когда она наконец-то уснула...

Обычно при солнечном свете сны растворялись, но этот сон не уходил. Осталось ощущение чего-то страшного, готового в скором времени сбыться...

Накинув свитер, Анна взяла ноутбук и переместилась на кухню. Проходя мимо портрета Матильды, Анна почувствовала страх. Нужно будет его убрать в кладовую или прикрыть чем-нибудь, чтобы не видеть этих глаз.

На кухне девушка сварила кофе и открыла ноутбук. Уставившись на дисплей, она целый час пыталась сконцентрироваться, но творческого настроения не было. Она налила себе еще кофе, но и это не помогло...

После двух часов бесплодных усилий Анна сидела, так же тупо уставившись на экран, написав лишь два слова «Глава первая». И сегодня вдохновение покинуло ее...

Внезапно у нее появилось ощущение, что в кухне кто-то есть, Анна резко повернулась. Никого. Она замерла и прислушалась. Резкий звук, словно разбившееся окно, пронзил тишину. Анна вздрогнула и вскрикнула. Звук повторился, и тут до нее дошло: это же дверной звонок! Впервые звонили в дверь, поэтому она так испугалась. Анна почувствовала облегчение и поторопилась открыть дверь. На пороге стояла улыбающаяся подруга Рита:

– Я решила, что таксист – идиот, когда он подвез меня к твоей усадьбе. Думала, это музей или отель. Держи! – Она протянула Анне бутылку красного вина. – С вином я не угадала, уж очень оно простое. Думаю, в таком доме пили «Шато Марго», – на французский манер произнесла Рита. – Уж не обессудь.

– Спасибо, – поблагодарила Анна, принимая бутылку.

– Таксист сказал, что у виллы «Магнолия» не лучшая репутация, – зашептала Рита. – Тут случилось что-то страшное в давние времена, и люди до сих пор боятся усадьбы. Это так?

– Ты что шепчешь? Нас никто не подслушивает, – засмеялась Анна и открыла широко массивную дубовую дверь. – Заходи!

Рита осторожно вошла и оглянулась по сторонам:

– После всего, что я услышала...

– Ты решила, что я тут сижу с нечистой в обнимку. Моя сестренка тоже так думает. Это правда, домик с историей. До меня тоже дошли сплетни, но все в прошлом, – ответила Анна.

– Ты теперь богатая? – спросила Рита, разглядывая прихожую.

– Ничего не осталось: лишь безделушки да мебель вся побитая. Все давно продано за долги.

– Почему так темно? – споткнувшись, спросила Рита.

– Что-то с проводкой. В понедельник должен зайти электрик.

– Какая лестница шикарная, – глядя резной поручень, сказала Рита. – Кем она была?

– Актрисой. Матильда Беккер.

– Она немка?

– Это псевдоним. В то время актрисы часто брали иностранные имена. Особняк подарил банкир барон Штицберг, он безумно ее любил. Матильда же была холодна к нему, но особняк приняла в качестве подарка. Барон в конце концов разорился и пустил себе пулю в рот.

– Бабка была еще та штучка, – присвистнула Рита.

– Да уж... По вине Матильды произошла не одна дуэль, и барон Штицберг не единственный, кого она разорила, – добавила Анна.

– У тебя есть фото?

– Конечно, пошли, – потянула за рукав Анна. – Вот, смотри! Как тебе?

Она подвела Риту к портрету. Сама Анна боялась глядеть на Матильду, она внимательно смотрела на реакцию Риты. Та стояла в полном оцепенении, не в силах оторвать взгляд от картины. Несколько минут они стояли молча. Наконец Рита выдохнула:

– Класс! Матильда как живая, мне даже показалась, что она дышит. Жуткая картина...

– Меня тоже пугает, – созналась Анна. – Идем. Там в спальне вся жизнь Матильды на фото...

Анне хотелось как можно скорее быть покинуть это место.

– Это твоя спальня?! – завизжала Рита и плюхнулась на кровать. – Как в кино!

Обычно манеры Ритки бесили, но сегодня Анне не хотелось быть одной, вот и приходилось терпеть бестактность подруги. Рита бесцеремонно брала в руки вещи, что были расставлены на камине, рассматривая их:

– Здесь только ее фото?

– Да, – ответила Анна. – Матильда Беккер любила только Матильду Беккер.

– Но тут мужчины...

– Это коллекция тех, кого она разорила, довела до самоубийства...

– Анька, ты чем-то похожа на нее, – сказала Рита.

Анна пристально взгляделась в фото Матильды, потом в свое лицо и обнаружила сходство. Почему ей сразу не пришло это голову?

– Но ты какая-то пресная, – ехидно заметила Ритка, с любопытством разглядывая подругу. – Не обессудь...

Анна украдкой глянула на себя в зеркало и не нашла нужных слов, чтобы возразить.

– Матильда могла себя преподать с таким шиком, этим ты не в нее, – утвердительно произнесла Ритка.

– На мне природа отдохнула, – согласилась Анна.

Ритка разглядывала ее так, как никогда до этого не делала – оценивая взглядом с головы до ног. Это стало порядком напрягать Анну. Ей хотелось заметить, что Ритка тоже далеко не красавица. Лицо плоское и нахальное, нос обсыпан конопутками, которые Ритка и сейчас пыталась замаскировать, но ей не удалось. Однако Анна решила, что лучше промолчать, не то вечер закончится скандалом.

– Не переживай, с таким домиком ты получишь, кого захочешь, – успокоила Рита.

– Осталось только захотеть, только вот кого? – спросила Анна.

– Найдем! Тебе гардеробчик бы сменить. Уж извини за прямоту, но твой гардероб – отстой! И умоляю, не заводи себе кошек. Одинокая тетка с кошками... бр-р, какой ужас!

Тут Ритка дала ей несколько советов, как это делают самые лучшие подруги. Анна промолчала, развивать эту тему она не собиралась.

– Где это? – спросила Рита, рассматривая очередное фото.

– «Монте-Карло», – перевернув фото, прочитала Анна. – Вот надпись: «Все небо над Европой накрыто войной, а тут мир и солнце...»

– Как в сказке! – вздохнула Рита.

– Сказка была недолгой. Она умерла молодой, покончив с собой...

Рита молчала, рассматривая фото:

– Во всех фото, как и в портрете, есть что-то мистическое, даже мурашки по коже.

– Согласна, особенно эта, – поежившись, согласилась Анна. – Может, все потому, что она смотрит прямо в камеру.

– И кажется, что смотрит прямо тебе в душу... бр-р... Я бы не смогла спать в комнате, где на тебя смотрят столько глаз...

– Сейчас ты мне напоминаешь мою сестренку, которая боится собственной тени, – поморщилась Анна.

– Что сестренка говорит? Ей же тоже кое-то причитается?

Анна не хотела обсуждать эту тему. Ритка, как обычно, несносна. Вообще-то, она неплохая подруга, когда молчит, но дело в том, что она редко это делает. Сегодня, не успев прийти, она уже вынесла мозг...

– Вера не хочет иметь ничего общего с этим домом. Она планировала его продать, но мне нужно место, где бы я могла писать, – развела руками Анна.

– Сестра так бескорытна? Все оставила тебе?

– Она надеется, что я долго тут не протяну. Что нечисть, живущая здесь, вряд ли будет меня терпеть.

Рита с удивлением посмотрела на нее и, приподняв бровь, приготовилась слушать.

– Она уверена, что в доме привидения. Особняк долгое время пользовался дурной славой, но я не знаю деталей, – ответила Анна, и попыталась перевести разговор на другую тему. – Как твой новый офис? Тебя там не заклевали?

– Об этом потом. Расскажи про приведения, – вцепилась в нее Рита.

– С Веркой не хотелось обсуждать эту тему, но она что-то знает. И это «что-то» очень ее пугает.

– Покажи мне остальные комнаты, – попросила Рита.

– Там ничего интересного нет, во многих комнатах вообще нет мебели, – отмахнулась Анна.

Не слушая, Рита вышла в коридор и заглянула в следующую комнату – там было пусто. Потом заглянула в другую, третью...

Вскоре раздался крик:

– Тут рояль! Знаешь, я в детстве ходила в музыкальную школу...

Анна побежала следом за ней. Рита открыла клап и собралась было...

– Не трогай! Он в хорошем состоянии, я хочу его продать! – крикнула Анна.

– Жаль, на таком я еще не играла...

– Идем отсюда!

И, развернувшись, Анна направилась к выходу. За ней последовала Рита, как вдруг раздался резкий удар по клавишам.

– Я просила тебя не трогать рояль! – закричала Анна.

– Клянусь, я этого не делала!

– А кто? Я, что ли?

– Это... оно само...

– «Оно», – передразнила Анна. – Пошли.

Они заглянули в пару комнат, но те были пусты. Дверь в конце коридора была приоткрыта, и Рита заглянула внутрь:

– Иди сюда! Что это?

Комната была завалена разным хламом: пустые цветочные горшки на подоконниках, керосиновая лампа, сломанные стулья, шляпные коробки, птичьи клетки, битая черепица, расписная китайская ширма, швейная машинка. В углу стоял чемодан весь покрытый потертыми наклейками: Ницца, Лондон, Париж, Женева, Венеция, Рим, Неаполь, Берлин...

Лучи заходящего солнца едва проникали в мутные окна, тускло освещая комнату. В углублении стоял кованый сундук внушительных размеров, украшенный ажурным орнаментом и весь покрытый пылью. Старинное бюро у противоположной стены было заставлено книгами, коробками, музыкальной шкатулкой, старыми газетами...

– Трудно сказать. Может, это кладовая, – неуверенно ответила Анна. – Вон сундук стоит.

– Давай заглянем, – предложила Рита.

Сундук не открывался, он был закрыт на замок.

– У тебя есть ключ?

Анна вытащила из кармана джинсов связку и раскинула веером, пытаясь понять, какой из ключей мог бы подойти к замку.

– Вау! Ты выглядишь как средневековая ключница, – засмеялась Рита.

Один из ключей вдруг свободно вошел в замочную скважину. Анна боязливо повернула его, так как возникло смутное чувство, что она может случайно наткнуться на нечто, чего лучше бы не видеть.

Рита открыла крышку сундука, и на них пахнуло пылью, затхлостью, нафталином. Они аккуратно принялись вынимать из него содержимое вещь за вещь, но некоторые из вещей просто рассыпались в руках. Тут были куски старого шелка, мотки кружев, обломанные перья, ажурные перчатки, расшитый гобеленом кошелек, а в нем маленький ключик. Какие-то странные вещи, о предназначение которых невозможно было догадаться. На самом дне лежала шкатулка, инкрустированная перламутром. Анна открыла, а в ней – пачка писем, перетянутая розовой лентой, визитки с загнутыми углами, бумаги, написанные витиеватым почерком,

пожелтевшие от времени. Анна слегка потянула за ленточку, чтобы развязать стопку с письмами, и вдруг на пол высыпались фотографии.

Лишь только Анна взглянула на эти выцветшие от времени снимки, как сердце тревожно забилось. На первой фотографии несколько человек держатся за руки, сидя за круглым столиком. В центре – дама в чалме. Ярко подведенные глаза закатились так, что видны белки, и от этого становится не по себе. Рядом с ней сидит Матильда, лицо у нее испуганное. По другую руку – зловещая старуха с допотопными буколками и в чепце. Она держит за руку мужчину, чей лысый череп плотно обтянут кожей, а глубоко запавшие глазницы и узкие губы делают его похожим на мертвеца.

– Если я правильно понимаю... – начала было Рита.

– И если я правильно понимаю, то это спиритический сеанс? – закончила фразу Анна. – Мадам в чалме, наверное, медиум. Эти двое выглядят как живые мертвецы.

– Жуть! У меня волосы встали дыбом, – показав руки, ответила Рита. – Какая зловещая старуха с краю!

– В девятнадцатом веке этим, похоже, все занимались, не только Матильда, – в защиту родственницы заметила Анна.

– Может быть, но не все дома пользовались плохой репутацией, – ехидно отреагировала Рита.

– Тема интересная, – задумчиво произнесла Анна. – Может, написать книгу об этом. Сегодня два часа просидела за компом, пока голова не разболелась, и ни строчки не родила.

– Если в доме все перерыть, тут можно много чего найти. Я в этом уверена. Хочешь, помогу?

Перегнувшись через сундук, Рита достала с самого дна сложенную пополам доску из темного дерева, похожую на шахматную.

– Что это? – поинтересовалась Анна.

– Это то, о чем я думаю? – загадочно спросила Рита.

Она осторожно протерла доску и развернула. На доске были вырезаны буквы – весь алфавит и цифры от нуля до десяти. Ниже цифр были начертаны слово «ДА» и подле изображение солнца. В другом углу рядом с лунной слово «НЕТ». Внизу была надпись: «ДО СВИДАНИЯ». Края доски сильно истрепались, некоторые буквы почти стерлись.

– Это доска Уиджи. С помощью нее мы можем войти в контакт с духами. Там нет курсора? – спросила Рита и снова полезла в сундук. – Вот он!

И покрутила перед лицом Анны треугольником с дыркой.

– Давай сыграем! – предложила Рита.

– Ты знаешь как?

– Однажды мы пробовали с подругами, но тогда у нас ничего не получилось.

– Думаешь, что сейчас получится? – спросила Анна.

– Уверена. Тут обстановка подходящая, да и духи точно есть. Одного из них мы лично знаем, – заговорщици подмигнула Рита.

– Что-то мне страшно, – прошептала Анна, содрогнувшись всем телом. – Лучше не надо.

– Не придумывай! Свечи нужны. Сходи за ними.

Анна нехотя поднялась и отправилась в спальню за свечами. Рита зажгла свечи и положила доску перед собой, в центр поставила курсор.

– Приступаем.

В комнате почувствовалось напряжение, какое случается перед ударом молнии. Анне хотелось все остановить, но она не решилась, зная, что Рита потом ее задразнит.

– Положи руки на курсор, – сказала Рита тоном, не терпящим возражения. – Помни, что нельзя прерывать сеанс во время действия. Если кто-то появится, ты это поймешь, будет слышен какой-нибудь звук, скрип или станет холодно. Понятно?

Анна кивнула в знак согласия.

– Не волнуйся, как только я почувствую, что события начинают выходить из-под контроля, я все остановлю, – добавила Рита.

Анну это не успокоило, но она послушно кивнула и приложила пальцы к курсору. Рита громко задала вопрос:

– Тут, кроме нас, есть кто-нибудь?

Полная тишина. Девушки сидели и терпеливо ждали, что произойдет. Прошло несколько минут, ничего не изменилось. Рита снова задала вопрос:

– В этой комнате есть кто-нибудь, готовый говорить с нами?

Они снова сидели пять минут в полной тишине. Анна подавила зевок. Рита произнесла опять:

– Если ты нас слышишь, то дай знак!

Вдруг откуда-то со стороны окна раздался звук, похожий на взрыв петарды. Анна резко вскрикнула, а Рита бесстрастно продолжал спрашивать:

– Ты дух Матильды?

Тишина. Вдруг Анна почувствовала какой-то зуд в пальцах, и курсор сдвинулся примерно на пару сантиметров и застыл.

– Матильда, это ты?

Курсор медленно двинулся по направлению к слову «ДА» и остановился.

– Ты толкаешь курсор, – уверено сказала Анна.

Рита отрицательно помотала головой.

– Ага. Так я и поверила, что это Матильда, – засмеялась Анна.

Тут раздался грохот в другом конце комнаты, и с бюро, рассыпавшись, упали старые газеты.

– И это я?! – спросила Рита.

Анна со страхом отпрянула от доски и ответила дрожащим голосом:

– Есть сотни причин, по которым это могло случиться...

– Положи пальцы на доску! Мы еще не закончили! Иначе проклятие упадет на тебя! – громко крикнула Рита.

Не споря, Анна положила дрожащие пальцы на доску.

– Матильда, ты хотела бы вернуться к живым?

Курсор плавно заскользил к слову «НЕТ».

– Чего ты хочешь? Ты хочешь забрать кого-нибудь из нас?

Курсор, медленно сделав круг, остановился у слова «ДА».

– Это ты делаешь! – уверенно произнесла Анна. – И не ври! Я тебе не верю.

– Нет. Честно, я этого не делаю. Могу поклясться.

– А кто? Не я же!

– Это она... Матильда, – прошептала Рита.

– Так я и поверила! Это ты двигаешь курсор? – разозлившись, убрала руки с доски Анна.

В этот момент подул сквозняк, от которого тревожно метнулось пламя свечей.

– Идиотка, положи руки на доску! – истошно заорала Рита.

– Все, закончили! Мне это надоело!

– Тем хуже для тебя! Нельзя заканчивать сеанс не попрощавшись, – всезнающим тоном произнесла Рита.

– Как мы будем прощаться? – спросила насмешливо Анна, положив руки на доску. – Чао, бабуль! Так?

Откуда-то потянуло ледяным холодом, и все свечи разом загасли. В крошечной тьме они вскочили и с воплями выбежали из комнаты.

– Что это было? – спросила Анна, вся дрожа от страха.

– Матильда с нами попрощалась, – прошептала Рита. – Где моя сумка?

Пока она искала сумку в полутьме, послышался длинный протяжный скрип открываемой двери. Подруги с криками побежали вниз. Рита открыла входную дверь и, достав мобильный, принялась вызывать такси.

– Хорошо, что еще есть связь, а то как в ужасниках, вначале пропадает связь, потом вся эта нечисть появляется откуда-то, – Рита со страхом посмотрела на вверх.

Анна быстро зажгла свечи, что стояли на консольном столике, и сказала:

– Я бы предпочла держаться от таких вещей подальше. Я не суеверна, но есть вещи, которые лучше не трогать.

– Не обольщайся, уже дотронулась, и намного сильнее, чем ты себе представляешь, – уверенно произнесла Рита.

– Ты молодец, Ритка, заварила кашу, а теперь сваливаешь. Оставляешь меня одну с этими...

– Если тебя не прикончат приведения, то ты напишешь бестселлер. Так что за работу, не теряй времени!

Анна стояла на крыльце и смотрела, как отъезжает такси. Она была зла на Ритку, что та втянула ее в историю. Анна боялась подниматься наверх, но тут вспомнила, что бутылку вина они оставили на консольном столике. Сейчас бы это было кстати.

Кухня была довольно чистая и уютная: старая изразцовая печь, газовая плита, потрескавшаяся фарфоровая раковина, массивный буфет с тусклыми стеклами. В деревянных шкафчиках стояла фаянсовая посуда вся в трещинах, жестяные банки с выцветшими этикетками.

Анна достала из буфета тяжелый старинный бокал из цветного стекла. Тщательно вымыв и вытерев его насухо, она налила себе вина. Уселась напротив окна и пригубила из бокала. Вино оказалось весьма неплохим, особенно сейчас, когда нервы на пределе. В доме было тихо, лишь где-то негромко стрекотал сверчок.

С каждым глотком Анна все больше и больше уверялась, что это были проделки подруги. Ритка же говорила, что не в первый раз вызывала духов. Наверное, ей известны какие-нибудь трюки, и теперь она едет в такси и смеется.

От выпитого вина Анне стало тепло и уютно, она взяла оставшиеся полбутылки вина и поднялась наверх. Около портрета Анна остановилась. При свете луны Матильда выглядела живой, лицо и обнаженные плечи светились холодной мраморностью.

Кто был тем художником, что написал этот портрет? Анна шагнула ближе, пытаясь прочитать подпись внизу, но безуспешно. Отступив назад, она пыталась разглядеть все детали туалета. Платье и украшения были выписаны с такой точностью, что сквозь кружево перчаток просвечивает матовая белизна кожи. Пейзаж позади Матильды и сейчас выглядел колдовским, особенно тоненькая тропинка, что терялась в густых зарослях леса...

* * *

Анна проснулась неожиданно, чего-то испугавшись. Не решаясь открыть глаза, она замерла в ожидании. В доме кто-то есть, она в этом уверена. И еще сильнее сомкнула веки, опасаясь, что, открыв глаза, увидит нечто жуткое. Вдруг за спиной послышался тихий скрип, словно некто на цыпочках крадется к кровати. Анну обуял страх, какого она никогда до этого не испытывала. Хотелось кричать и звать на помощь, но нет смысла это делать – никто не услышит!

Спокойно, приказала она себе. Не волноваться! Но тут снова послышались шаги, кто-то упорно приближался к ней. Шаги подкрались совсем близко и замерли. Анна была не в силах больше выносить неизвестность, она резко открыла глаза и оглянулась. Никого. Неужели у нее слуховые галлюцинации? Она накрылась одеялом с головой, как это делала еще ребенком. В

детстве казалось, что если полностью закрыться одеялом, то ты спасена. Сегодня она в этом не уверена – неужели привидению так сложно забраться под одеяло? Девушка лежала и ждала, но больше не было никаких звуков. Анна перевела дыхание. Зря она нервничает, старые дома часто издают странные звуки, на что есть множество причин. Так и Лев Борисович сказал.

Она долго лежала с открытыми глазами, временами погружаясь в беспокойный сон. При малейшем шорохе вскакивала с постели. Ей было жарко, душно, страшно...

На столике стояла бутылка вина, которую Анна ополовинила перед сном. Используя мобильник как фонарик, она налила остатки в бокал. Сейчас вино показалось еще вкуснее. Вскоре она успокоилась – алкоголь придал ощущение безопасности. Страхи испарились, словно эти звуки были лишь дурным сном...

Проснувшись Анна от криков чаек, что кружили над морем в поисках пищи. Открыв окно, она вдохнула свежий морской воздух. Потерла виски, голова была тяжелой после выпитого накануне вина. Вспоминая сейчас вчерашний вечер – снимки со спиритических сеансов, доску Уиджи, дух Матильды, который они пытались вызвать, Анна задалась вопросом: это все шутки Ритки или действительно они общались с потусторонними силами?

На этот вопрос Анна ответить не смогла, но поняла, чего хочет. Схватила ноутбук и спустилась вниз. На кухне пахло воском, дымом и пылью. Вилла стояла на склоне холма, и из окон первого этажа открывался восхитительный вид на залив. Дорожка, посыпанная гравием, уходила влево, к полуразрушенному фонтану, окруженному раскидистыми липами.

Анна набрала воды в чайник и поставила его на плиту. Пока вскипала вода для кофе, она уже успела набросать начало романа на основе своего вчерашнего происшествия. После всего, что произошло, слова сами складывались в текст. Анна с трудом оторвалась от ноутбука, когда закипел чайник. Заваривая кофе, она продолжала прокручивать в голове сцены и диалоги, но тут за спиной что-то негромко щелкнуло. Анна замерла. Дверная ручка стала медленно поворачиваться. Вчерашние страхи и возбужденное состояние способствовали тому, чтобы все вокруг казалось зловещим. Дверь медленно отворилась, и краем глаза Анна уловила какое-то движение за спиной. Она резко обернулась – на пороге стоял дряхлый старик с чемоданчиком в руке:

– Доброе утро! Я пришел починить проводку.

Анна с удивлением смотрела на него, не понимая, как он проник в дом. Она уверена, что закрыла дверь на замок, после того как проводила подругу. Словно прочитав ее мысли, старик ответил:

– У меня ключи.

И в доказательство своих слов он вытащил из кармана связку ключей:

– Я много лет следил за этим домом.

Анна смотрела на его почти лысый череп со старческими пятнами на нем, на красные слезящиеся глаза. Да ему лет сто! Неужели он в состоянии что-нибудь чинить?

– Знаю, что крутится у вас в голове: не староват ли я для этой работы? – спросил старик и улыбнулся, обнажив желтые редкие зубы. – Мне нужна помощь.

– Какая?

– Посвети мне, – попросил он скрипучим голосом...

Анна взяла из его рук фонарик и направилась за ним в коридор. Старик открыл несколько панелей в стене, где оказалась куча змеящихся проводов. Анна послушно направляла фонарик туда, куда ей показывал старик.

– Молодое поколение ни в жисть не починит проводку в этом доме, – проскрипел он.

В этом Анна не сомневалась: как разобраться в этих пыльных, сальных запутанных проводах? Не очень-то верилось, что и этот древний гриб сможет починить проводку.

Своими крючковатыми пальцами он ковырялся в проводах, вытаскивал их, разглядывал, менял. Анна заметила татуировки на его руках: на правой – якорь, на левой – русалка. Одна

бровь разделена шрамом, из ушей торчали седые волосы. Свитер с обвисшим воротником, потертая куртка, бесформенные брюки...

– Тут все сделано на века. Сейчас так не делают. Вы, торопыги, все торопитесь куда-то...

Мы жили по-другому...

– Вы знали Матильду?

– Какое там, – старик махнул рукой. – Она была барышня, а мы кто? Знатные гости к ней приезжали. Матильда ушла такой молодой. Ее смерть потрясла всех. Здесь все очень любили барышню.

Тут он щелкнул выключателем, и свет зажегся, чему Анна была очень удивлена.

– Расскажите мне о ней, – попросила Анна.

– Сама все узнаешь.

– Как? Я хочу знать, что случилось в этом доме. Почему вы не хотите мне рассказать?

– Это знает лишь мадам Тадески, – ответил старик.

Анна решила, что у старика болезнь Альцгеймера, в результате которой он полностью выжил из ума. Электрик сложил все инструменты обратно в чемоданчик и закрыл его. Анна спросила:

– Даже не знаю, как вас благодарить. Сколько я должна?

– В этом доме я денег не беру. Если понадобится помощь, спроси старика Фалькевича, – представился он.

– Спасибо большое!

– Знай, гости будут навещать тебя, – на прощание сказал старик Фалькевич.

Анне хотелось расспросить про гостей, но он словно испарился. Лишь был слышен шум гравия под его ногами.

«Про каких гостей он говорил? И кто такая мадам Тадески?»

* * *

Электричество было кстати, там как батарейки у ноутбука полностью разрядились. Налив себе кофе, Анна снова уселась за стол.

Судьба Матильды захватила ее воображение. Анна желала полностью погрузиться в тот далекий, полустертый мир. Узнать о Матильде все, прикоснуться к ее жизни – вот чего Анна желала сейчас больше всего. Работа неслась во весь опор, к вечеру она написала несколько страниц.

В какой-то момент все поплыло перед глазами, и Анна вспомнила, что пропустила обед. Она закрыла ноутбук и сделала себе бутерброды. После обеда она еще раз прочитала написанное и осталась довольна. На сегодня можно закончить.

Открыв бутылку пепси, она поднялась наверх. Неспешно бродила по комнате и разглядывала безделушки. На глаза ей попался снимок Матильды в роли Марии Стюарт. Матильда шикарно выглядела в костюме той эпохи: белый чепец с характерным мыском, опускавшимся на лоб, воротник-раф и глубокое декольте. Анна усомнилась, что в том веке носили платья со столь глубоким вырезом, но, с другой стороны, – это Матильда Беккер в роли Марии Стюарт, а не реальная королева.

На другой фотографии Матильда стояла с красивым мужчиной в расшитом золотом кафтане. Оба надменны и импозантны, позади них декорации в стиле Средневековья: стул с высокой спинкой, свечи в тяжелых канделябрах, гобелены ручной работы.

Следующий снимок – это уже не декорации. Матильда где-то на пристани, позади нее белоснежный корабль. Она в белом воздушном платье с маленьким кружевным зонтиком в руке. Рядом с ней мужчина в светлом костюме, в соломенной шляпе и с тростью. Свободной

рукой он обнимает Матильду и смотрит на нее с нескрываемым обожанием. Матильда же смотрит прямо в объектив, и взгляд говорит, что она любит себя, только себя и никого другого...

В волнении Анна замерла на месте: возникло ощущение, что она не только в чужом доме, но и подсматривает за чужой жизнью. Задолго до нее здесь жила Матильда, даже не представляя, что однажды тут появится Анна. Что бы сказала Матильда, увидев ее? Анна подняла глаза и увидела себя в зеркале – растрепанную, в клетчатой бесформенной рубашке. С утра она не причесалась, так как не смогла найти расческу.

Анна выдвинула один из ящичков трельяжа, но он был пуст, во втором ящичке валялись бутылочки, пузырьки, гребешки, заколки для волос. Все металлические предметы были изъедены ржавчиной, этикетки на бутылочках выцвели. Тут же лежала пудреница изящной работы, украшенная инкрустированной бабочкой, крылья которой светились золотистым рисунком.

Следующий ящик не открывался. Анна залезла в карман джинсов и достала связку ключей. Среди них был один маленький ключик. Вот он! Ключик легко вошел и со скрипом повернулся. Внутри лежала потерянная книжка из темно-красной кожи, края которой были отделаны золотыми завитками.

Анна осторожно открыла первую страницу, на ней красовалась монограмма с замысловатым переплетением инициалов «МБ», а пожелтевшая красная ленточка использовалась как закладка. Это был ежедневник, где красивым изящным почерком были вписаны денежные расчеты, долги, мысли. Анна аккуратно переворачивала усеянные пятнами цвета ржавчины страницы, что крошились по краям, и могла проследить жизнь Матильды.

«...заплатить горничной Агнес...»

«...в три часа в салон к месье Жерар...»

«...примерка костюма у мадмуазель Жанетт...»

«...ужин у баронессы фон Штейн...»

Властный, красивый, четкий почерк показывал характер Матильды. Так пишет человек, который знает, чего хочет. Множество колонок, в которые были вписаны цифры, некоторые категорично зачеркнуты, другие выделены жирным шрифтом. На следующей странице наброски платья и шляпок, и снова какие-то подсчеты:

«...три тысячи рублей модистке...»

«...конюху пятьсот рублей...»

«...две тысячи белошвейке...»

«...тысячу сапожнику...»

А внизу запись:

«Расточительности моей нет предела...»

Матильда вела экстравагантный и дорогостоящий образ жизни. Как ей это удавалось? Неужели в том веке актрисы так много зарабатывали?

В промежутках между расчетами и набросками шляпок встречались мысли.

«Слава – это пьедестал, где с верхней ступеньки тебя скинет тот, кто следует за тобой. Что будет со мной, когда я свалюсь оттуда? Другой жизни я не представляю...»

Читая записи, Анна чувствовала, что интересовало и волновало Матильду, что мучило и не давало покоя. Девушке была интересна каждая строчка, написанная Матильдой.

«Жизнь порой размалывает тебя, а жернова у нее настолько тяжелые, что не каждому под силу. За что меня так все ненавидят и стараются сильнее уколоть? За то, что забралась выше других? Но ведь для этого и существует пьедестал...»

На фото Матильда выглядела такой высокомерной и неуязвимой, Анне даже не верилось, что нечто могло задевать ее и тревожить.

«Печально, но каждый из нас родился, чтобы однажды умереть. И потому мы должны успеть вспыхнуть как можно ярче в тот недолгий период, что нам отпущен судьбой. Вспыхнуть ярко дано не каждому, как и умереть красиво...»

Анна посмотрела, каким числом это датировано, и удивилась, что этот вопрос так рано мучил Матильду.

«Богатство и слава – не самое важное в жизни, я это поняла тогда, когда уже добилась всего. Тогда что???»

Закрыв глаза, Анна представила Матильду – молодую, шикарную, изящную. Вечер. Она сидит перед трельяжем, в руке щетка из слоновой кости. На актрисе черный пеньюар, отделанный перьями марабу. Она расчесывает волосы и надевает драгоценности – кольцо, браслеты и кольца. Горничная затягивает ей корсет, взбивает волосы наверх, украшает прическу гребнем, инкрустированным перламутром. Матильда, напудрив лицо, шею и декольте, надевает бархатное платье. Изящной рукой, унизанной кольцами, она открывает золоченый флакон духов – последний штрих...

Шофер в белых перчатках и шлеме уже сидит за рулем автомобиля «Пирс-Эрроу» у парадного входа. Горничная накидывает Матильде на плечи меховое манто. Актриса едет в театр, где будет блистать и сводить с ума...

Анна повернулась к зеркалу и взгляделась в свое отражение. Для сравнения взяла фото Матильды и принялась сличать. Какое-то сходство было, но лишь слабое. Почему в ней нет этой притягательности, присущей Матильде? Анна на самом деле пресная, как сказала всезнающая Ритка. Может, любовь и восхищение мужчин наполняет Матильду той женской дьявольской силой?

Анна улеглась в постель и принялась читать ежедневник. Огонь в камине уже погас. Вдруг резко подул из коридора, дверь в спальню распахнулась, глухо скрипнув петлями. Фотография Матильды, стоявшая на тумбочке у кровати, упала на пол. Приподнявшись на локте, Анна посмотрела вниз: фото лежало на полу, и глаза Матильды, казалось, смотрели прямо в глаза Анны.

Парализованная страхом, Анна не могла пошевелиться. Краем глаза девушка увидела, как сзади нее шевельнулась мутная тень. Она резко обернулась – никого. Затаив дыхание, она вслушивалась в едва различимые звуки, чувствуя, как между лопаток стекают капли холодного пота.

Матильда взирала со своих снимков совсем как живая.

На миг Анне показалось, что в темном коридоре ее подстерегает та, кто все видит и все ведает и от кого не скрыться...

Часть вторая

Спустившись на кухню, Анна обнаружила, что не осталось продуктов, и решила съездить в ближайший супермаркет. Закрыв дверь на все замки, она уселась в свой маленький «ситроен», припаркованный у особняка.

Местом, где располагалась вилла «Магнолия», был разросшийся провинциальный городок, что простирался вдоль Финского залива. Кроме неплохо сохранившегося старого центра, смотреть тут было нечего: лишь автозаправки, открытые кафешки, сувенирные лавки, безликие пятиэтажки, парикмахерские, аптеки. Пустые пляжи и бесконечные пески тянулись вдоль всего побережья. Песок был повсюду, даже после небольшой прогулки можно было ощутить на зубах его скрип. Улицы были пустыми, лишь пожилые пары совершали моцион или сидели на лавочках, расположенных на набережной.

Супермаркет предложил девушке неплохой выбор вин. Она положила в корзину несколько бутылок красного вина, а к вину сыр, крекеры, орешки, виноград. Взяла сливок к кофе, французский багет, бекон. Набрал продуктов на несколько дней, она двинулась к кассе.

По пути домой, Анна остановилась у кафе, что располагалось на набережной. Внутри было много посетителей: они пили, ели, негромко разговаривали. Аппетитно пахло ароматным кофе и свежими круассанами. Анна уселась за маленький столик у самого входа. Все посетители развернулись и уставились на нее с любопытством. В маленьком городках, где все знают друг друга, всегда чувствуешь себя чужой, и окружающие не стесняясь дают тебе это понять. Анна подняла голову, возле нее стояла официантка – в возрасте, с копной крашенных, наспех заколотых волос, и бесцветным, усталым лицом. Анна заказала кофе и пару круассанов.

– Что-нибудь еще желаете? – спросила официантка, после того как принесла заказ.
– Нет, спасибо, больше ничего не нужно, – ответила Анна.

Официантка не уходила, продолжала задумавшись стоять рядом, потом спросила:

– Вас не сильно тревожат по ночам?

Анна поняла, что интересуется официантку, но на всякий случай переспросила:

– Кто?

– Хозяева дома.

Все в этом кафе знают, кто она такая, и не важно, что они впервые видят Анну.

– Да, – созналась Анна. – Судя по вашему вопросу, такое случалось и раньше?

– Это так. Лучше бы особняк не трогали. Никогда это добром не кончалось.

– Расскажите.

– Особняк стоял заколоченным очень давно, считай со смерти Матильды, – официантка запнулась и посмотрела на Анну. – Тут его вдруг опять открыли, осматривали, прибирались внутри, обметали паутину с фасада. Но как ни вычищай и ни скобли этот дом, нечисть оттуда не изгнать.

Тут один из посетителей захотел расплатиться, и официантка направилась к нему. После этого разговора кофе и круассаны уже не казались такими аппетитными. Анна быстро выпила кофе и, оставив деньги на столике, покинула кафе...

* * *

Остаток дня Анна писала, страсти Матильды влекли все дальше и дальше. Даже то, что в доме обитают привидения – факт, который все труднее было отрицать, – не могло оторвать от работы.

Неожиданно раздался звонок мобильного. На дисплее отразилось имя подруги Риты. Анна сохранила в памяти компьютера последнее предложение и ответила:

– Алло! Слушаю...

– Привет! Как дела у богатой наследницы?

– Не очень. Деревенская жизнь мне явно не на пользу. Плохо сплю, всю ночь мерещится, что кто-то стоит у моей кровати. А может, и не мерещится...

– В черном-черном лесу черная-черная избушка...

– Мне не смешно! – резко крикнула Анна. – Извини. Ты веришь в приведения?

– Бывало... После того как посмотрела «Звонок», неделю в темноте телевизора боялась...

– Это не одно и то же.

– Живешь одна в большом доме, где все половицы скрипят, с такой мрачной историей, да еще после нашего сеанса. Как тут не поверить? – созналась Рита.

– Во что я должна поверить?

– Что кто-то жуткий лежит под твоей кроватью и только и ждет, как ты спустишь ногу на пол... и тут он тебя ца-ап, – снова засмеялась Рита.

Анна поморщилась. Да, более милую и сочувствующую собеседницу, когда так хреново, просто не найти.

– Сегодня в кафе на набережной спросили: навещают ли меня хозяева дома? Как тебе это? – спросила Анна.

– Интригует, – созналась Рита.

– А меня не очень.

– Ты весь дом проверила? В таких старых домах должно быть полно потайных ходов, секретных комнат, а в стенах глазки. Слуги же должны были следить за своими хозяевами.

– Ты начиталась романов. Замки с потайными ходами строили в Средневековье, а особняк построен в конце восемнадцатого века.

– Много ты знаешь? В таких домах всегда происходило нечто странное: убийства, самоубийства, проклятия... Это самое простое объяснение происхождения приведений, а уж если углубиться...

– Лучше не углубляться. Еще бы знать, что им нужно?

– Спроси, – засмеялась в ответ Рита.

Анна проигнорировала этот ответ.

– Почему ты не вернешься в город? – спросила Рита.

– На это несколько причин. Квартиру я сдала, мне некуда возвращаться, и тут хорошо пишется. Сегодня я целый день не вставала из-за стола, чего в городе со мной не бывает. Здесь я много успела написать.

– Может, ты просто заработалась? Тебе нужно что-нибудь попить. Когда у меня напряг, то я принимаю ксанакс, а перед сном валиум. И все работает.

– Это продается в аптеке?

– Нет, нужен рецепт. Сходи к психиатру, там всем выписывают. Скажешь: много работаю, нервничаю, плохо сплю...

– Дай адрес.

– Своего не дам, – категорично отрезала Рита. – Вдруг заподозрит что-нибудь. Сама найди.

* * *

Приветливая секретарша поздоровалась с Анной и протянула ей бланки: – Будьте так любезны заполнить эту анкету...

Когда Анна закончила с анкетой, секретарь, мило улыбаясь, пригласила следовать за ней:
– Проходите!

Кабинет врача оказался светлым и уютным. На стенах висели картины, писанные акварелью, а в углу стояла кадка с раскидистой пальмой. Анна уселась за стол. Психиатром оказалась маленькая, тщедушная женщина, с бесцветными, глубоко посаженными глазами. Волосы были зачесаны назад, ногти на руках коротко подстрижены.

– Все сеансы я записываю, чтобы при случае воспользоваться. Вы не против? Это строго конфиденциально, в конце лечения все записи вы можете получить.

Анна кивнула в знак согласия. Психиатр включила видеокамеру и внимательно посмотрела на Анну. Уголок рта у нее слегка дернулся. Что это? Нервный тик?

– Слушаю вас.

– Не знаю, с чего начать... – замялась Анна.

– Мы никуда не торопимся. Соберитесь с мыслями, я подожду, – заученно произнесла доктор.

Было заметно, что спрашивала она механически, и ей совершенно не интересны проблемы Анны. За целый день ей так надоели психи с их дебильными историями, что она полностью абстрагировалась от своих пациентов.

– По ночам меня мучают кошмары, я просыпаюсь с криками, – начала Анна. – И не только это, с этим бы я справилась, но и в реальной жизни такое ощущение, что кто-то за моей спиной... и я почти физически чувствую его присутствие...

– И сейчас? – слегка оживилась доктор.

Анна оглянулась по сторонам:

– Нет, здесь нет. Такое случается только в моем доме...

Левая сторона лица врача снова непроизвольно дернулась. Да уж, этому психиатру и самому нужна помощь психиатра.

– Когда это началось?

– В тот момент, когда я переехала на виллу «Магнолия». Сейчас это случается настолько часто, что меня это измучило.

– В вашей семье были случаи психиатрических заболеваний?

– Да, в моей семье есть такие случаи. Самый тяжелый случай был с прабабкой. Она провела год в психиатрической клинике, а потом покончила с собой...

Уголок рта у доктора нервно задергался, как ни пыталась она это скрыть. Видно история Анны ее сильно заинтересовала.

– И не она одна этим страдала, многие из моих родственников тоже лечились, но я не знаю подробностей, – добавила Анна.

– Если бы вы подробнее узнали обо всем, нам бы это помогло.

– Я попытаюсь. Вы назначите мне лечение? – спросила Анна. – Мне нужно спать и жить, чтобы узнать подробности. Меня мучает бессонница. Всю ночь лежу с открытыми глазами, лишь временами впадаю в беспокойный сон, но при малейшем шорохе вскакиваю с постели. Порой мне кажется, будто кто-то кричит в ночи, но, проснувшись, я понимаю, что кричала сама...

– Вот вам рецепт на один месяц. На следующий прием запишитесь у моего секретаря, – протянула рецепт доктор.

* * *

С утра на Анну напал творческий жар, она забыла о еде и отдыхе. Целый день пила кофе и лишь вечером, когда закружилась голова от голода, отправилась на кухню, чтобы приготовить ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.